

Информация об авторе

Калинина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: kalinka77@inbox.ru.

Author

Kalinina Olga Nikolaevna — PhD in Historical Sciences, Researcher, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, e-mail: kalinka77@inbox.ru.

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(2Р5)

С.В. КОВРИГИНА**ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА ПРИАНГАРЬЯ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Анализируется поселенческая структура в деревнях Приангарья, рассматриваются причины и виды трансформаций в организации жизненного пространства сельских поселений в послевоенный период.

Ключевые слова: крестьянство, Приангарье, послевоенный период, колхозы.

C. KOVRIGINA**ORGANIZATION OF LIVING SPACE PRIANGARE
RURAL COMMUNITIES IN THE POSTWAR PERIOD**

In this article analyzes the settlement's structure in the villages of Angara Region, discusses the causes and the types of transformations in the organization of the living space of rural settlements in the postwar period.

Keywords: peasantry, Angara region, post-war period, kolkhoz.

Заселение и освоение территории Приангарья осуществлялось на протяжении XVII–XX вв. Природно-географические и этнополитические условия наложили отпечаток на размещение и хозяйственную деятельность населения.

Процессы расселения людей, складывание этнических общностей, культурно-хозяйственных типов, видов экономической деятельности и социальной организации, мироощущения и мирозерцания, находились в прямой зависимости от природно-географических условий. Крестьяне постоянно ощущали тесную живую связь с природой. Вот как описывает пространство Средней Ангары И.М. Московских: «Народ был темный, неграмотный, но деревни ставили в таких выгодных местах, что они сами облагораживались климатом. Около горы ставили. Потому что тучи притягивались на камни, поэтому и дожди лили. А раз полило — то и родится.

Еще строили у речек, потому что речка могла прокормить рыбой. Сюда шли люди, которые и силу, и ум имели» [2, Интервью с И.М. Московских].

Отличительной особенностью русских градодельцев была способность выбирать места для своих поселений. «Эти места, как правило, были не только хорошо защищены самой природой, но удобны, красивы, выгодны в стратегическом отношении» [16, с. 8]. Большинство сельских населенных пунктов в Приангарье были расположены в долине реки Ангары и ее притоков. Деревни находились на обоих берегах Ангары, нередко у устья впадающих в нее речек и на островах. Средняя и Нижняя Ангара славилась большим количеством островов, многие из которых достигали 500–800 га [3, с. 53].

Одним из самых распространенных видов застройки ангарских деревень являлась так называемая рядовая застройка, когда дома располагались вдоль по течению Ангары или ее притоков, и улица повторяла контуры берегов реки. Однако застройка в один ряд в послевоенный период встречалась уже реже и лишь в небольших деревнях, насчитывающих не более 20 дворов. Чаще ангарские деревни состояли из двух или трех порядков — улиц, обращенных фасадами в одну сторону, чаще всего к реке. Отметим, что в приангарских селах встречались поселения и так называемого кучевого плана.

Следует отметить и крайне низкую плотность населения региона. Так, например, в Иркутской области она колебалась от 1,76 до 0,5 человека (в северных районах) на 1 км² [15, с. 75].

Однако, в отличие от Центральных районов РСФСР, где преобладал тип мелких поселений (не более 50 человек), деревни Восточной Сибири были более многолюдны. В Иркутской области в среднем на 1 колхоз в 1940 г. приходилось 59 дворов, в 1945 г. — 58, при этом, за годы войны число мелких колхозов до 30 дворов уменьшилось на 2,5% [9]. К концу исследуемого периода в результате укрупнения мелких сельскохозяйственных артелей с 1940 по 1953 г. количество мелких сельхозартелей в целом по Восточной Сибири уменьшилось на 2180 [14, с. 88], а число дворов на один колхоз выросло до 96 [4, с. 78].

В послевоенный период не происходит каких-либо значительных трансформаций в поселенческой культуре ангарских деревень. Появившиеся в 1930-е гг. административные органы — правления колхозов, сельсоветы старались размещать в центре деревни. Строительства специальных зданий в связи с отсутствием материальных средств у сельхозартелей не велось, поэтому сельская администрация располагалась в обычных крестьянских избах (как правило, ранее конфискованных у кулаков). Также на центральной улице стремились размещать здания клубов, школ, фельдшерских пунктов, магазинов — реже вновь построенные, чаще приспособленные для этих целей. Исчезли часовни, которые традиционно стояли на берегу реки, на возвышенном месте. Здания церквей к началу исследу-

емого периода были перестроены под клубы, школы или использовались как складские помещения. Так, в Братском районе (Среднее Приангарье) из 11 церковных зданий в 1948 г. в четырех находились сельские клубы, в деревнях Седаново и Нижняя-Шаманка — школы, остальные использовались под склады или находились в неисправном состоянии [6].

В послевоенный период начинают строиться колхозные рынки. Например, в Среднем и Нижнем Приангарье большинство колхозников из удаленных от городов деревень предпочитали продавать свои продукты в районных центрах и поселках лесозаготовителей, а там, где не было колхозных рынков, «продавали в частных домах и дворах» [11, 1948, 20 марта].

За годы советской власти были изменены названия улиц, которые должны были соответствовать идеологической политике Советского государства. Как и по всей стране, появляются Комсомольские, Пионерские, Советские улицы. Однако это явление наблюдалось лишь в районных центрах, леспромпхозах и наиболее крупных деревнях. В большинстве же ангарских деревень по-прежнему применяли традиционные названия улиц. Если селение состояло из одной улицы, концы ее соответственно течению Ангары называли Верх и Низ или Нижний и Верхний край. Там, где улиц было несколько, они назывались по своему местоположению. Наиболее типичны следующие названия: Угорная — на берегу Ангары, обычно обрывистом, Большая или Средняя — центральная, Задняя — последняя [3, с. 58].

Тяготы военного лихолетья безусловно отразились и на внешнем облике сельских поселений Приангарья. Жилищное строительство в колхозах не велось. Материальных средств в деревенских семьях не хватало даже на косметический ремонт своего жилья. Для женщины-крестьянки не только ремонт крыши или печного дымохода, но даже замена обычного оконного стекла оборачивалась непосильным делом [1, с. 405]. Поэтому большое количество крестьянских изб находилось в крайне ветхом состоянии, «дома построенные на болотистой почве, покосились во все стороны. Крыши большинства из них даже на главной улице зияют проломами, покрыты мохом и травой» — сообщалось в газете Восточно-Сибирская правда [5, 1946, 5 июня].

К началу исследуемого периода в средствах массовой информации показывали достаточно неприглядные картины сельского быта, особенно в районных центрах. Газетные публикации пестрели сообщениями: «около тысячи усадеб. Большинство требуют ремонта. Никаких предприятий по производству стройматериалов в районном центре нет» [5, 1946, 17 сент.]. «Недавно, около конторы леспромпхоза в грязи увязла корова. Тротуары здесь не ремонтировались в течение последних десяти лет и ходить по ним опасно, покосившиеся ворота и заборы, сломанные мостики, заваленные мусором водосточные канавы» [5, 1946, 4 июля], «дома исполкомов сельских Советов и правлений колхозов также имеют

весьма не приглядный вид [5, 1946, 17 сент.]. «Село выглядит весьма уныло, подъезды изуродованы, мостики развалены. Ни райкомхоз, ни сельсовет до сих пор не провели нумерацию усадеб. Регулированием движения автотранспорта никто не занимается» [5, 1946, 5 июня].

В первые послевоенные годы районные власти принимают решения по благоустройству сел, из-за отсутствия финансирования все мероприятия предлагалось проводить «методами народной стройки» [13, 1951, 26 апр.]. Особое внимание уделялось озеленению районных центров. Например, в селе Братск (Среднее Приангарье) предписывалось: «провести лесонасаждения, обновить и отремонтировать тротуары, привести в культурный вид кинотеатр, а площадку его превратить в парк» [8]. Данные мероприятия широко освещались в средствах массовой информации.

Наиболее активными участниками субботников и воскресников, которые традиционно проводилась в весенний период, являлись жители районных центров. Так, газета «Илимский партизан» сообщает: «18 июня 1950 г. по инициативе парторганизации и сельсовета проведен воскресник в селе Илимск, в котором приняли участие 350 человек. Выкопаны кюветы 1440 погонных метров, построена водосточная труба через улицу, вывезен гравий, построен тротуар 100 м. Всего тротуаров теперь по Илимску свыше 700 м. За весь период огорожены тесом ограды детского сада, больницы и сельсовета. Приводится в порядок ограда клуба, намечается строительство прачечной» [10, 1947, 23 авг.]. Ежегодно в начале лета коллективы рабочих и служащих районных центров проводили очистку и копку канав. Занимались засыпкой улиц песком и галькой. Проводили работы по оборудованию тротуаров [11, 1948, 20 апр.].

Отличительной особенностью послевоенного времени является устройство палисадников. Силами комсомольских и пионерских организаций в ангарских деревнях появляются палисадники перед домами колхозников. Инициатива местных властей широко поддерживалась рядовыми членами сельхозартелей. Так, в газетных публикациях сообщалось, что «возвратившиеся домой демобилизованные военнослужащие энергично ремонтируют и украшают свои дома, огораживают усадьбы, ставят ворота и устраивают у домов садики» [5, 1946, 17 сент.]. Заметим, что наличие палисадников ранее не было свойственно традиционной культуре Приангарских деревень.

Появляются и традиции росписи ворот. Так, по воспоминаниям М.М. Толпыгина, «кто любил, ворота разукрашивал краской. В любой деревне разрисованные ворота были. Не все разрисовывали, потому что некоторые жили не ладно...» [2, Интервью с М.М. Толпыгиным]. В некоторых сельхозартелях принимались решения об организации воскресников «по оказанию помощи в проведении ремонта домов колхозников. В порядке такой помощи в одном из сел Кежемского района было покрыто новым тесом пять домов колхозников» [13, 1953, 13 дек.].

Следует отметить, что подобная организация «помочей» сельским сообществом была традиционной для жителей ангарских деревень, однако раньше всем миром строили дома, в послевоенные же годы, в силу отсутствия материальных средств, их только ремонтировали, да и то не везде. Так, в 1946 г. в Иркутской области на ремонт жилого фонда местных Советов было ассигновано всего 5600 тыс. р., однако 80% этих средств были использованы в областном центре [5, 1946, 29 марта]. Отсутствие строительства и капитального ремонта на селе приводило к большой ветхости жилых построек. Даже к концу 1960-х гг. во многих населенных пунктах Нижнего Приангарья «сохранялся значительный процент домов старой постройки 20-х гг. и более раннего времени» [3, с. 72].

Самым распространенным видом жилища в ангарских деревнях были дома-одноколки и его комбинации: дом на связи, представляющий собой как бы два одноколка, соединенных сенями; и дом с прирубом — соединение двух одноколков, при котором отпадала необходимость в одной капитальной стене. Также встречались двухэтажные и круглые дома, возведенные до революции и принадлежавшие зажиточным крестьянам и купцам. Крестьянские дома были бревенчатыми, построенными из сосны с применением традиционного способа рубки «в лапу».

Жилой дом для крестьянина всегда был более чем кров над головой, защита от сил природы и врагов. Это связано с тем, что дом — не только материальная оболочка жизни, но и ее духовная среда, овещенное представление человека о самом себе и о своем времени. Иными словами, дом — это жизненный стандарт, отношение к действительности. С домом соотносились все важнейшие категории картины мира человека. Для крестьян было важно организовать жилое пространство так, чтобы оно было наполнено жизненными благами: сытостью, теплом, безопасностью, здоровьем.

Обстановка крестьянского жилища была однообразна, отличалась простотой и рациональностью. Вся мебель изготавливалась на месте и из местных пород дерева. В Приангарье делали деревянные кровати и диваны с широким сидением в 2–2,5 доски и резными спинками изогнутой формы. Их окрашивали краской в различные, преимущественно темные, цвета. Вдоль передней и боковой стен ставили широкие лавки, между ними в переднем углу стоял обеденный стол. Проникновение новой бытовой культуры было избирательным. В первую очередь распространялись предметы, осознававшиеся крестьянами как необходимые. Так, в послевоенные годы дома начали делить перегородками на несколько комнат, хотя в районах Среднего и Нижнего Приангарья перестройка жилища получила широкое распространение в более позднее время.

В тоже время в быт начали входить вещи, не столько нужные в хозяйстве, сколько демонстрирующие состоятельность владельца. В первую очередь это относится к радио и патефонам, велосипедам. Так, в

Кежемском районе Красноярского края, по сообщению газеты «Колхозник», после очередного снижения цен в 1951 г. трудящиеся приобрели для личного пользования большое количество велосипедов, радиоприемников, швейных машин, фотоаппаратов [13, 1951, 1 сент.].

Влияние городской культуры сказывалось на украшении жилища и содержании его в большей чистоте, что создавало уют в жилом помещении.

Традиционно в деревнях Приангарья хозяйственные постройки сосредотачивались вокруг дома, в двух дворах, хозяйственном — двор и чистом — ограда. По отношению к дому они располагались двояким образом: по обе стороны дома или же хозяйственный двор стоял позади чистого [3, с. 69]. Чистый двор для предохранения от грязи вымачивали досками из расколотых пополам лиственниц, так называемые плахи [3, с. 70]. Для хранения скоропортящихся продуктов во дворе дома выкапывали подвалы (ямы). По воспоминаниям Н.В. Дубровина из села Падун Братского района: «У нас на улице было вроде подвальчика такой, засыпанный землей, спуск туда и там сусеки такие, туда набивали снег, лед, сверху опилки» [2, Интервью с Н.В. Дубровиным]. Таким образом, сельскохозяйственные постройки определялись хозяйственными нуждами крестьян и оставались в рамках традиции. Крестьянин был как бы втянут в природу, жил в ней; характерной чертой крестьянского самосознания являлась любовь к своей земле. Точную философскую характеристику крестьянского самосознания дал П.И. Симуш, который отмечал слитность собственной природности индивида с аграрным трудом, переживание которого рождало осознанное чувство достоинства труженика, хозяина земли [17, с. 121].

Особое значение в жизни семьи имело личное приусадебное хозяйство, размер которого был жестко регламентирован местными властями. Из колхозной земли, при условии исправной работы, каждый двор наделялся небольшим участком приусадебной земли в размере от 0,25 до 0,5 га (не считая площади под жилыми постройками), в зависимости от географической зоны, в которой находился колхоз. Исключение из артели автоматически влекло за собой потерю личного подсобного хозяйства, без какой-либо компенсации [12, с. 432]. Согласно Уставу сельскохозяйственной артели, из обобществленных земельных угодий в личное пользование каждого колхозного двора выделялся небольшой (от 0,25 до 1,0 га) участок земли — огород, который в приангарских деревнях обычно располагали за хозяйственным двором.

Однако, в районных центрах Приангарья были случаи частных посеов на полях колхозов [5, 1946, 20 авг.] и даже продажи излишков «собственного огорода» [10, 1946, 29 мая]. Газета «Илимский партизан» сообщала: «Два года тому назад в селе Нижне-Илимске существовала улица 3-я Советская. Улица «исчезла». А очень просто, жители этой улицы взяли лопаты и вскопали ее под огороды, изгородили вдоль и попе-

рек ее заборами» [11, 1948, 10 апр.]. Большинство захваченных земель использовалось «частными лицами», проживающими в сельской местности, но не являющихся членами колхозов. Так, в Иркутской области из 103 051 га самовольно используемой земли, только 4,5 тыс. га были захвачены колхозниками в виде приусадебных участков [7].

Для населенных пунктов нижнего течения Ангары характерно отсутствие огородов в пределах усадьбы. Огороды обычно были сосредоточены в одном месте, за деревней, и огорожены общей изгородью. Часто вся площадь огорода делилась на две части соответственно качеству земли. В одной стороне отводили каждому участок под картофель, в другой — длинная узкая гряда под другие овощи. Картофель сажали кроме того еще и в поле [3, с. 59]. Овощные культуры, традиционные для Приангарья (капуста, турнепс, морковь, картофель и др.), выращивали на огородах, чаще всего вынесенных за пределы подворий, ближе к берегам рек. В Приангарье из 50 овощных растений выращивалось всего 10–12 видов, и из них промышленное значение придавалось только капусте, огурцам, помидорам, свекле, моркови и луку [5, 1946, 5 апр.]. Так, секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) в докладной записке Сталину указывал, что в районах Нижнего Приангарья «картофель и овощи дают весьма высокий урожай, особенно гектары заливаемых весной островных участков Кежемского, Богучанского и других районов Приангарья, где капуста, например, вырастает чрезвычайно крупных размеров. На приусадебных участках колхозников за последние годы входит в быт сахарная свекла, очень охотно культивируемая колхозниками, а в Богучанском районе за последние годы успешно выращивают яблоки» [18].

Большую роль в сельской жизни играло выращивание технических культур: льна, конопли, необходимых для производства тканей. Каждая хозяйка умела работать на «красне» (ткацком станке).

Внепроизводственная сфера жизни сельского населения Приангарья, как в позитивном, так и в негативном плане, была обусловлена активными процессами индустриализации региона. Это выразилось в становлении специфического образа жизни и быта.

В послевоенный период особенностью приангарской деревни было то, что сельские поселения Сибири изменялись под воздействием ряда социально-экономических и демографических факторов, обусловленных прежде всего форсированным промышленным освоением восточных районов страны. Масштабные задачи развития региона в аграрном секторе сопровождались индустриализацией сельскохозяйственного производства, укрупнением сельских поселений и стремительной урбанизацией деревни.

Этот процесс сопровождался ломкой привычной поселенческой структуры: на малозаселенных территориях, где население традиционно занималось сельским хозяйством и промыслами, на месте старожильческих деревень, а то и прямо в тайге, появлялись новые городские

поселения и промышленные предприятия. Жизнь вносила новые атрибуты во внешнее оформление крестьянских изб, палисадников, околиц, улиц, селений. Однако, в большинстве отдаленных районов Приангарья, в послевоенный период, не происходит каких-либо значительных трансформаций в поселенческой культуре.

Список использованной литературы и источников

1. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига / В. Т. Анисков. — М. : Памятники исторической мысли, 2003. — 502 с.
2. Архив ГОУ ВПО «БрГУ». — Ф. 2. — Оп. 2.
3. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Ч. 1. Приангарье / отв. ред. И. В. Маковецкий, Г. С. Маслова. — Новосибирск : Наука, 1971. — 197 с.
4. Вербицкая О. М. Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. / О. М. Вербицкая : дис. ... д-ра ист. наук. — М. : РАН институт российской истории, 2002. — 416 с.
5. Восточно-Сибирская правда.
6. ГАИО. — Ф. Р-2951. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 118.
7. ГАНИИО. — Ф. 127. — Оп. 30. — Д. 62. — Л. 11.
8. ГАНИИО. — Ф. 31. — Оп. 5. — Д. 7. — Л. 32.
9. ГАРФ. — Ф. а-374. — Оп. 7. — Д. 1701. — Л. 106.
10. Знамя коммунизма.
11. Илимский партизан.
12. История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. — М., 1959. — Т. 1. — 539 с.
13. Колхозник.
14. Косых А. П. Развитие сельского хозяйства Восточной Сибири в послевоенный период (1946–1953 гг.). / А. П. Косых // Ученые записки (ИГПИ). — Вып. 30. — 1967. — С. 84–88.
15. Культурное строительство в Иркутской области (1917–1967 гг.) сборник документов / под ред. А. П. Косых. — Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд., 1980. — 350 с.
16. Палютина Л. П. Крепостные сооружения Прибайкалья (конец 20-х г. XVII в. — первая половина XVIII в.) / Л. П. Палютина // История и общество в панораме веков : Материалы всероссийской Байкальской исторической школы. — Иркутск, 1990. — С. 7–19.
17. Пертенко М. С. Некоторые проблемы взаимоотношений крестьянства и власти в послевоенные годы (1946–1953) / М. С. Петренко // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 1999. — С. 121–124.
18. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 122. — Д. 206. — Л. 201.

Информация об авторе

Ковригина Снежана Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: sarapylova@bk.ru.

Author

Kovrigina Snezhana Valerievna — Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor, Bratsk State University, 40, Makarenko Str., 665709, Bratsk, e-mail: sarapylova@bk.ru.